



Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Издательство и редакция: Limburg/Lahn. Verlag
„Possev“. Bankkonto: Limburger Bank V 14 Post-
scheckkonto: Frankfurt/M 33 461 Условия подписки в
Германии: 5 ном.—3 НМ, 10—6 НМ, 15—9 НМ и т. д.
Условия приема объявлений: 1/64 стр.—7 НМ, 1/32—
13 НМ, 1/16—25 НМ, 1/8—50 НМ, 1/4—90 НМ, 1/2—
180 НМ, 1 стр.—360 НМ Розыски—20 пф слово

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже **70 пфен.**

V ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 ОКТЯБРЯ 1949 Г.

№ 41 (176)

СТРАННЫЙ МИР АЙЗИКА ДЕЙТЧЕРА

Г. Андреев

Не так давно в газете «Нью-Йорк Тайме» была напечатана статья некоего Айзика Дейтчера «Станный мир русских невозвращенцев», посвященная российской эмиграции в Европе, обнаруживающая удивительное верхоглядство.

По А. Дейтчери главным для «мира русских невозвращенцев» является наличие многих политических групп и партий, возникающих, сливающихся, распадающихся в «бесконечном процессе»; «упражнения и борьба» их и даже «временных правительств» (вероятно, речь идет об украинцах) за «сферы влияния» в лагерях Ди-Пи и т. д. — т. е. вся та внешняя суета обычной в таких случаях накипи, которая не пользуется уважением и в наших русских, серьезных, кругах. Но на А. Дейтчера она произвела большое впечатление, которое, очевидно, и обусловило его вывод: «Невозвращенцы представляют собой крайнюю реакцию русского народа против сталинского режима». Это невольно рождает наше первое недоумение: какую же иную, как не крайнюю реакцию, могут представлять собой беглецы от сталинского тоталитаризма? Или г. Дейтчер еще не имеет полного понятия о сталинском режиме?

Характеристики отдельных групп невозвращенцев в статье А. Дейтчера пестрят такими определениями: «воевавшие под нацистским командованием», «боящиеся наказания дома», «коллаборанты», «военные преступники», «физические и психические инвалиды, мечтатели, авантюристы, корыстолюбцы». Мы не отрицаем, что среди нас, как и во всяком обществе, есть люди любых качеств, однако мы полагаем, что такие термины, как «коллаборант», «военный преступник» давно пора забыть: время достаточно ясно показало, кого Сталин считает «военными преступниками». В числе их, несомненно, находятся и г. Айзик Дейтчер и его «фашистско-капиталистическое окружение». Следует ли в таком случае извлекать из пыли прошлого мифических «преступников»? Или это нужно для того, чтобы внушить подозрение к «странному миру»?

Неосведомленному читателю г. Дейтчер может показаться компетентным в этом мире. Нам же совершенно ясно, что автор о многом знает понаслышке, почему его статья лишь дезинформирует общественное мнение; иногда, к сожалению, она допускает даже клевету. Так, говоря о русских солидаристах, г. Дейтчер пишет: «Во время войны они копировали программу наци и проповедывали тоталитарный антибольшевизм и культ «русского фюрера». Одна из их идей — установление в России черты оседлости для евреев». Эта чушь в опровержении не нуждается, но она показательна как для степени осведомленности автора в данном вопросе, так и для его приемов.

Плохое знание вопроса заставляет автора удивляться, почему монархические взгляды находят отклик среди новых эмигрантов. По этому поводу он заключает: «Таково уж проклятие тоталитаризма, что он истребляет дух и мозг не только приверженцев, но и своих оппонентов так, что даже реакция против

сталинизма характерна своей тупостью и абсурдностью». Это заключение может быть признано замечательным в своем роде. Очевидно, что вообще все, что не отвечает взглядам г. Дейтчера, в частности идея монархии, «тупо и абсурдно». Или «тупо и абсурдно» лишь то, что заключено в обнаруженном автором «странном мире», а например, монархия в Англии, в Скандинавских и других странах не «тупа и абсурдна» и может заслуживать уважения? Чем объяснить такое удивительное разделение? Вероятно, только верхоглядством г. Дейтчера: если бы он хорошо знал вопрос, он понимал бы, что некоторые эмоции новых эмигрантов к идее монархии объясняются не «истреблением духа и мозга», а тяготением к твердому правовому государству, к уверенности в завтрашнем дне, которые, по мысли части русской эмиграции, может обеспечить только монархия. Люди вправе исповедывать любые взгляды и убеждения и нам странно, что это нужно объяснить демократу г. Дейтчери, с таким презрением отзывающемуся о чужих взглядах.

Но для г. Дейтчера характерно отсутствие вдумчивого отношения. Он пишет дальше: «Из всего этого нельзя делать поспешных заключений о политических настроениях в самой России». Любопытно, откуда г. Дейтчер может почерпнуть сведения о настроениях в СССР? Кто их лучше выражает — невозвращенец Кравченко и его свидетели-невозвращенцы, чистосердечно рассказывающие о жизни в СССР или советский генерал Руденко и прочие советские свидетели; предварительно проинструктированные министерством Берии? Или, может быть, «красный настоятель» Джонсон? Может возникнуть подозрение, что г. Дейтчер склонен больше верить им, так как он продолжает: «В конце концов невозвращенцы являются лишь небольшой частью массы русских Ди-Пи, которая добровольно или полудобровольно вернулась в Россию». Приходится возразить: не добровольно, а как правило принудительно. Если бы не было принуждения, по край-

(Окончание на стр. 12)

В номере:

**А. Светов
БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ**

**Жак Сорель
КОГДА ЗЕМЛЯ ПЕРЕСТАЛА
ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЛЮДЯМ**

**Григорий Климов
В БЕРЛИНСКОМ КРЕМЛЕ**